

«Лит. газета», 1948, 20 севм

Недавно в Москве вышли в свет две новые книги. Первая, И. С. Зильберштейн. «Художник-декабрист Николай Бестужев». Издательство «Изобразительное искусство». Объем — 42,5 печатного листа.

Вторая, 89-й том «Литературного наследства». «Александр Блок. Письма к жене». Издательство «Наука». Объем — 36,4 усл. печатного листа. Главный редактор — В. Р. Щарбина. Редакторы тома — И. С. Зильберштейн и А. М. Розенблюм.

Эти книги читают запоем. Они говорят, спорят, хотя речь идет не о модном романе, а (в первом случае) о новом, дополненном издании научного труда. Это итог многолетних поисков и раздумий о жизни и творчестве художника-декабриста Николая Бестужева. Именно о нем вековая молва твердила, что на каторге он создал единственную в своем роде акварельную повесть — галерею портретов друзей-декабристов, их жен-декабристок и их детей.

Вторая книга — письма Александра Блока к невесте, а затем к жене — Любови Дмитриевне Менделеевой-Блок (дочери Д. И. Менделеева). Публикуемые в этом, 89-м томе «Литературного наследства» 317 писем Блока, из которых 264 печатаются впервые, составляют исключительно ценную часть его эпистолярного наследия. Биографы Блока считают эти письма духовной исповедью поэта. Известно, что в конце жизни автор «Стихов о Прекрасной Даме» намеревался ввести в их новое издание фрагменты из его писем к Л. Д. Менделеевой.

Основу ценнейшего тома составляют полученные И. С. Зильберштейном 40 лет назад автографы перелиски Блока с женой, ее воспоминания «И был, и небылицы о Блоке и о себе», рисунки поэта... И так, две новые книги! В них воплощен исследовательский подвиг их создателя, человека, который почти полвека неистово трудится на ниве отечественной культуры. Это широко известный историк литературы и искусства, писатель Илья Самойлович Зильберштейн, который сорок семь лет назад положил начало «Литературному наследству», посвященному публикации неизданных материалов по истории русской литературы и общественной мысли. Константин Александрович Федин писал о И. С. Зильберштейне как о «славном пестуне достохвалного «Литературного наследства». Да, вся его жизнь посвящена бесконечным поискам и находкам реликвий отечественной культуры.

Каждая книга имеет свою историю, которая нередко определяет и ее судьбу.

История есть, конечно, и у этих новых изданий, в которых воплощен многолетний труд поистине неутомимого Зильберштейна.

...Москва. Старый угловой дом на Лесной улице. Квартиру эту я знаю давно и мог бы подробно описать ее, но не стану этого делать — скажу лишь, что всякий раз, приходя сюда, дивлюсь тому, как хозяин этого жилища все же умудряется здесь найти место для работы среди книжно-журнальных холмов?! Видал я писательские кабинеты, но такой, признаться, — впервые...

Беседуем... Я возвращаю Илью Самойловича к истокам поиска: как же все это началось с портретами, исполненными декабристом Николаем Александровичем Бестужевым?

Оказывается, первые сведения о знаменитой портретной галерее декабристов, которую исполнил их «соуэник» Николай Бестужев, были опубликованы в России давно — около 120 лет назад, в 1860 году. За двенадцать лет каторги Бестужев, которого Герцен считал одним «из самых лучших, самых энергичных участников великого заговора», создал портреты не только всех друзей по заключению, но и добровольно прибывших сюда, в Сибирь, их жен. После смерти Н. А. Бестужева, в 1855 году, его сестра Елена Александровна привезла эти портреты в Москву, а спустя два-три года продала их известному русскому издателю и собирателю сокровищ нашего искусства К. Т. Солдатенкову. В частности, он издал первое собрание сочинений

В. Г. Белинского в 12 томах, а затем предпринял выпуск русского перевода 15-томной «Всеобщей истории» Г. Вебера с той целью, чтобы вернувшийся из ссылки Н. Г. Чернышевский имел постоянный литературный заработок... К. Т. Солдатенков умер в 1901 году. Согласно его воле собранная им громадная, оценивавшаяся в те далекие годы в полмиллиона рублей коллекция картин и скульптур была передана в музей. Но бестужевских портретов в этой коллекции, увы, не оказалось: они таинственно исчезли...

— Пятьдесят с лишним лет назад, являясь студентом Ленинградского университета и испытывая влечение к истории литературы и искусства, я бывал в доме знаменитого пушкиниста и историка Павла Елисеича Щеголева, которому помогал в его разысканиях, — вспоминает И. С. Зильберштейн. — Здесь нередко собирались знаменитые писатели, художники, ученые... В один из августовских вечеров далекого 1925 года у П. Е. Щеголева гостила Лариса Рейснер. В ту пору в стране шла подготовка к 100-летию восстания декабристов — писательница намеревалась выступить с циклом статей, посвященных исторической дате. Она и приехала к П. Е. Щеголеву, чтобы посоветоваться об этой работе. Разговор длился несколько часов. В заключение хозяин дома порекомендовал замечательной писательнице заняться в Москве поисками бестужевских портретов декабристов.

— Ведь там могут находиться портреты тех, о ком вы намерены писать, — сказал Щеголеву Ларисе Рейснер. — Мне вспомнился этот разговор спустя некоторое время, когда я взялся за поиски. Да, это было в конце 1925 года, то есть целых пятьдесят

ПОИСК, КОТОРОМУ НЕТ КОНЦА...

три года назад, — уточняет Зильберштейн.

...Где искать? Кого спрашивать? Молодой исследователь обратился за помощью ко многим известным знатокам архивов, музеев и личных коллекций — таким, как ленинградцы Б. А. Модзалевский и И. А. Бычков. Но даже они не могли ответить на эти вопросы. Лишь в 1944 году знаменитый столичный книговед, профессор Г. П. Георгиевский посоветовал нашему собеседнику отыскать двух сотрудников Солдатенкова.

— Эти люди, помнится, жили в Кунцево, где в прошлом веке находилось имение Солдатенкова. Поищите там, — советовал ученый. — Я, правда, не видел их более двадцати лет. Кто знает, может быть, они еще живы...

Г. П. Георгиевский дал адреса этих людей и порекомендовал прихватить с собой пушкинский том «Литературного наследства»...

И что же? Один из сотрудников Солдатенкова действительно отыскался.

— Пожилой, но еще статный человек, он недоверчиво, с удивлением открыл мне дверь, — вспоминает Илья Самойлович. — Но услышав привет от Г. П. Георгиевского и увидев у меня в руках пушкинский том, немного отошел... Я сказал, что мы ищем хранившиеся у К. Т. Солдатенкова акварельные портреты декабристов. Хозяин жилища холодно выслушал меня, затем так же холодно спросил номер телефона Г. П. Георгиевского, предложил мне прийти спустя неделю... Ровно через неделю я, разумеется, снова был здесь, в Кунцево. То был счастливый день: старик положил на стол плотную папку, в которой бережно хранились акварели Бестужева, да-да, те самые, которые я искал уже долгие годы... Оказывается, он получил их из рук самого К. Т. Солдатенкова еще в далеком 1901 году.

— Все собирался издать эти акварели, да ведь надо было найти человека, который написал бы о каждом из декабристов, запечатленных Бестужевым. Тогда бы получилась хорошая книга. Но такого сочинителя, увы, не нашел — вот и лежали они у меня без надобности более сорока лет в этой папке. А времечко не стоит на месте — мне уже тоже, слава богу, 86... Напечатайте, пожалуйста, эти чудные акварели и добрым словом помяните К. Т. Солдатенкова. А меня — не надо: стыдно, что столько времени все это без пользы пролежало, — сказал старик молодому историку искусства.

— Вот какая вышла история... Как говорится, детектив без детектива, — шутит И. Зильберштейн. — В общем поиски дали замечательные результаты: в Кунцево нашлись 76 великолепных акварельных портретов. Они стали основой коллекции. Потом пришлось искать другие бестужевские работы. География поиска была обширной: от Кяхты до Парижа. И многое еще отыскалось... Теперь в общей сложности мною разыскано двести акварельных работ Николая Бестужева, в том числе и портреты детей декабристов, виды Читинского острога, Петров-

ской тюрьмы... И все эти прекрасные бестужевские произведения ныне обнаружены в книге, которую печатал коллектив Первой образцовой типографии в Москве...

...В письме к автору Георгий Марков отметил, что его книга «Художник-декабрист Николай Бестужев» — истинный подвиг исследователя, который великолепно приблизил к нам, к нашей жизни далекую эпоху декабристов, вдохнул в книгу ощущение нашей кровной близости с декабристами. ...Да, именно — подвиг!

Вторая книга, о которой мы ведем речь, — это, как сказано выше, 89-й том «Литературного наследства» — «Александр Блок. Письма к жене».

История «одного из интереснейших томов» «Литературного наследства», как в марте

на столе лежат письма Блока, о которых я не раз робко заговаривал с хозяйкой дома... Три или четыре вечера подряд я читал поразительные письма великого поэта к жене. Многие в те памятные вечера глубоко взволновало меня, но особенно одно его признание, содержащееся в письме. Да, это были его личные письма к жене, его свидетельства любви, времени, жизни, событий, но они далеки от бытовщины.

«...Ведь я Тебе совсем не пишу о «делах». Думаешь ли Ты, что этого не нужно? Я думаю, что да... Наше время не такое, чтоб очень заботиться о мелочах», — писал поэт жене 11 июня 1903 года.

...Следует заметить, что в подготовке этого тома большую помощь оказали автор вступления и комментарии,

стоящим осенью 1980 года 100-летием со дня рождения А. Блока идет работа над двумя новыми томами «Литературного наследства» — «Александр Блок. Новые материалы и исследования». Среди них особую ценность, по-моему, представляют письма Николая Клюева, в поэтической судьбе которого А. Блок принял живое участие...

...Наконец, хочется сказать несколько слов еще об одной будущей книге И. С. Зильберштейна — «Парижские находки. Эпоха Пушкина». В ней — результаты настойчивых поисков реликвий русской культуры за рубежом. Многие из них благодаря усилиям И. С. Зильберштейна были возвращены на Родину, о существовании других стало известно из его статей, появившихся в наших журналах. В книге будет представлено свыше ста любопытных находок...

— И все-таки больше всего времени и усилий требует будущей духотомник «Неизданный Горький», который, естественно, имеет особое значение, — говорит исследователь. — В этот духотомник, например, войдут завещанные скончавшимся в 1968 году в Париже З. А. Пешковым Архиву Горького в Москве сорок доныне неизвестных писем А. М. Горького, а также найденные мною письма Горького к известному художнику Борису Григорьеву. Некоторые из них написаны в шутильной форме и характеризуют сердечное отношение великого мастера к людям искусства. Здесь также найдут свое место датированный 1912 годом неизвестный расклад Горького «Рота, стой!»... Вот такая, примерно, сейчас ведется текущая работа!

...Слушая Илью Самойловича Зильберштейна, мне захотелось дать читателям маленькую справку: в итоге двух его творческих поездок за рубеж удалось вернуть на Родину свыше 12 000 ценнейших документов и среди них — уникальные памятники русской литературы и изобразительного искусства. Теперь они хранятся в 16 архивах и музеях. Среди этих сокровищ два подлинных автографа Ленина и датированное 1908 годом письмо Горького к Ленину...

Гляжу на уставшего Илью Самойловича. И хотя уже второй день продолжается наш разговор, мы все же не можем его закончить... Впрочем, как поставить точку, если мы еще не коснулись нынешних поисков реликвий русской культуры, в частности тех, которые долгие десятилетия находятся за рубежом?..

— Важный, очень важный вопрос! — подчеркивает И. Зильберштейн. — Думаю, что сейчас надо прежде всего энергичнее позаботиться о том, чтобы на Родину вернулись 11 писем Пушкина к невесте и другие его автографы, а также автографы Лермонтова, Тургенева, Чехова, которые давно хранятся в Париже, у известного балетмейстера С. М. Лифаря. Уместно здесь отметить, что в течение ряда лет он уже передал советским музеям и архивам некоторые реликвии русской культуры...

...Слушаю моего, по-юношески увлеченного собеседника и думаю: вот человек, который вершит дело своей жизни.

1977 года после чтения рукописи охарактеризовал его Константин Александрович Федин, — тоже необычно...

«...Когда умру — пусть найдутся только руки, которые сменют наилучшим образом передать продукты моего труда тем, кому они нужны», — отвечая на анкету «О праве литературного наследования», писал 1 января 1918 года Александр Блок.

...И должно было так случиться, что аудиторы, где в далеком 1925 году воспитывались будущие филологи — студенты Ленинградского университета — находились совсем рядом со знаменитым, любовно воспетым Александром Блоком Пушкинским домом. Именно здесь во время лекций днями пропал наш собеседник...

В августе 1926 года ему, студенту, повезло попасть на вечер, посвященный пятилетию со дня кончины Блока, и он впервые услышал его стихи, которые великолепно читала вдова поэта Любовь Дмитриевна. Вечер закончился, Л. Д. Блок-Менделееву провозглашал главный хранитель рукописного отдела Пушкинского дома Борис Львович Модзалевский. Он спросил Любовь Дмитриевну о судьбе архива Блока.

— Архив еще не приведен в порядок, но в дальнейшем, возможно, я передам его в Пушкинский дом, — ответила она.

— Не знаю, почему, но, может быть, именно эта фраза и стала первым толчком к большой, растянувшейся, как видите, более чем на полвека работе, — признается Илья Самойлович. — Спустя одиннадцать лет я вновь увидел Любовь Дмитриевну. После длительных переговоров она все же решила передать мне для публикации в «Литературном наследстве» текст юношеского дневника А. Блока, а также копии некоторых писем Андрея Белого к Блоку.

— По делам «Литературного наследства» и московского Литературного музея я затем часто ездил в Ленинград, — продолжает И. Зильберштейн. — И в 1936—1937 годах не раз бывал здесь у Л. Д. Блок. Былая актриса, она все еще жила в мире театра, часто бывала на спектаклях, особенно на премьерных балета, о котором даже намеревалась написать книгу... Часть рукописей и дневников Блока Любовь Дмитриевна, как и обещала, передала Пушкинскому дому. Поэтому я просил ее адресовать нашему Литературному музею эпистолярное наследие поэта.

— Хорошо, я это сделаю, — после некоторой паузы решила Любовь Дмитриевна и весной 1939 года вручила мне бесценный блоковский фонд, в котором, кроме ранее приобретенных его писем к А. Белому, было еще более 2100 писем к Блоку.

— И все же, когда решилась судьба ныне опубликованных в 89-м томе «Литературного наследства» писем Блока к жене? — спрашиваю исследователя.

— Лишь в сентябре 1939 года... Я снова был в Ленинграде. Позвонил Любови Дмитриевне. Она просила вечером прийти к ней. Вхожу — и, признаться, глазам не верю:

известный исследователь Блоковского наследия В. Н. Орлов, а также Центральный государственный архив литературы и искусства, и особенно его директор Н. Б. Волкова. ЦГАЛИ, куда перешли рукописные фонды Литмузея, уже много лет scrupulously собирает документальные материалы о Блоке, и теперь их здесь насчитывается свыше 3200 номеров.

— Однако это вовсе не значит, что все блоковское уже найдено, — предупреждает меня И. С. Зильберштейн. — Надо искать, серьезно искать, пока еще можно что-то найти...

...Слушаю этого давно и хорошо знакомого мне, фанатично влюбленного в свое дело человека, который обычно садится за стол в пять утра, не дает себе выходных и, даже уезжая в отпуск, берет чемодан с неотложной, срочной работой. Слушаю и дивлюсь: ведь ему уже за семьдесят, а он все такой же, по-прежнему с той же бурлящей энергией ищет, находит, пишет, редактирует, читает гранки, верстки, выпускает одну за другой великолепные книги... Вот такой это человек!

Интересно, чем он занят сегодня и что собирается делать завтра?

— Чам? Обычной текущей работой, — отвечает Илья Самойлович, подчеркивая слово «текущей», которая, конечно, не может знать пауз или перерывов: работа есть работа...

— Какой именно? — К примеру, один из будущих томов «Литературного наследства» — «Русско-английские литературные связи». В нем будет напечатано исследование академика Михаила Павловича Алексеева, который давно изучает литературные связи России и Англии XVIII—XIX вв. В томе содержится немало истинных открытий...

Далее, в связи с пред-

Наум МАР